

Ныне настали времена процветания нашего государства, и потому нынешнее празднование моего дня рождения — это не только повод чествовать меня, но и возможность прославить благоденствие и могущество великого Чу. Кроме того, я хочу объявить о радостном событии.

Голос вдовствующей императрицы эхом разносился по залу, и каждое её слово, подобно удару золота о камень, внушало благоговейный трепет. Все затаили дыхание, устремив взгляды на князя Сюань-вана. Он был облачен в роскошный алый парчовый халат, его лицо было прекрасно, а манеры — исполнены изящества. Однако сейчас он сидел неподвижно, словно всё происходящее вовсе его не касалось.

— Сюань-ван доблестен и талантлив, но до сих пор не обзавелся супругой, — продолжала императрица. — Сегодня я намерена выбрать для него достойную спутницу и пожаловать ей титул княгини. У нас с императором уже есть кандидатуры — девушки исключительной красоты и добродетели. Что скажешь, Сюань-ван?

Слова императрицы, хоть и были кратки, таили в себе глубокий смысл. Чу Вэйцин слегка улыбнулся, залпом осушил кубок с вином, вышел вперед и опустился перед вдовствующей императрицей на колени. Его голос звучал твердо, но мягко:

— Матушка, я безмерно благодарен вам за великую милость. Но хотя я и не женат, сердце моё давно занято. В этой жизни я не возьму в жены никого другого.

Как только эти слова сорвались с его губ, в зале воцарилась гробовая тишина. Придворные принялись гадать, кто же та избранница, но никто не осмеливался спросить прямо. Императрица едва заметно нахмурилась — она никогда не слышала, чтобы сын упоминал о ком-то подобном, но, не желая устраивать сцену при всех, лишь уклончиво заметила:

— И чья же это дочь, князь? Дочь премьер-министра или внука великого наставника?

Чу Вэйцин помолчал несколько секунд, не поднимая головы:

— Докладываю матушке, моя избранница — другой человек. Тот, кому я отдал свое сердце, — Чу Синхуань. Я не женюсь ни на ком другом, прошу вас, матушка, взять свои слова назад.

В ответ ему ответила абсолютная тишина. Министры озадаченно переглядывались. Вдовствующая императрица взирала на коленопреклоненного сына с нескрываемым гневом. Даже на лице императора Чэнь-у, до того остававшегося холодным, промелькнуло странное выражение. Чу Синхуань и Сяо Хунцзин, до этого момента державшиеся в стороне от суеты, одновременно подняли головы и посмотрели в центр зала.

Когда гнев императрицы уже готов был вырваться наружу, император Чэнь-у поднялся, наклонился к ней и что-то прошептал. Лицо вдовствующей императрицы сменило цвет с бледного на мертвенно-синий. Чу Синхуань отчетливо ощутил на себе несколько тяжелых взглядов сверху; он помедлил, перестал чистить виноград и замер. Сяо Хунцзин привычным

движением взял платок, вытер ему пальцы и забрал у него недочищенную ягоду. Чу Синхуань взглянул на него, пытаясь уловить признаки гнева, но их не было. Однако это спокойствие тревожило еще больше.

Ради сохранения хоть какого-то достоинства правящего дома императрица не стала продолжать, а лишь махнула рукой, приказывая служанкам увести Сюань-вана. Испорченный банкет наконец подошел к концу. Министры, подняв кубки, хором провозгласили: Желаем вдовствующей императрице долголетия, а государству — процветания! Их голоса гремели под сводами дворца, но виновник торжества оставался рассеянным.

Вернувшись во дворец Ваньшоу, императрица опустилась на обитую золотыми нитями кушетку. Она сидела неподвижно, подобно скале, но её руки, сжимавшие подлокотники из сандалового дерева, побелели — казалось, она была готова раздавить их, чтобы хоть немного унять ярость.

— Как ты посмел! — её голос, подобно грому, сотрясал воздух.

Взгляд императрицы, острый как клинок, был устремлен на коленопреклоненного сына.

— Я унижалась, прося императора оставить тебя здесь, в столице! Я выбирала тебе опору, чтобы, получив этот брак, ты обрел могущественного союзника при дворе! А ты сегодня посмел публично отказать от императорского указа, унижил знатные дома, да и сам закрыл себе путь к будущему!

Гнев императрицы был подобен пламени, готовому поглотить родного сына. Однако Сюань-ван продолжал стоять на коленях, его фигура в свете свечей казалась одинокой и непоколебимой, словно гора, не боящаяся ни ветра, ни дождя. Он поднял взгляд на мать:

— Я не оправдал ваших надежд, матушка, но... мое решение окончательно, и я не могу его изменить.

Императрица, ударив по подлокотнику, вскочила. В её глазах сверкал холод. Она медленно подошла к Чу Вэйцину, каждый её шаг был воплощением ярости и власти.

— Ты понимаешь, что творишь? Ты идешь против меня, против императора! Вэйцин! Мне всё равно, кто она, пусть будет наложницей, пусть второй женой — как хочешь, но твоей законной супругой должна стать либо Лю Синьлинь, либо Чжао Жуянь!

Она бушевала, словно охваченная огнем. Слуги, затаив дыхание, поспешно удалились. Такого гнева своей госпожи они еще не видели. Но Сюань-ван не дрогнул. Он склонился, ударившись лбом о пол:

— Матушка, простите сына за непочтительность, но я не возьму в жены никого, кроме Чу

Синхуаня.

— Непутевый сын! Чу Синхуань — мужчина, к тому же еще и куртизан! Ни один из этих статусов не позволяет ему стать княгиней Сюань-ван! Ты хочешь сделать себя посмешищем всего государства Чу? К тому же он сейчас крутит шашни с Сяо Хунцзином!

Чу Вэйцин опустил глаза. На его лбу уже проступила ссадина. Помолчав, он ответил:

— Я... согласен на всё.

— Хорошо, хорошо, вот он, мой сын, которого я растила двадцать с лишним лет! Вот он, наш доблестный Сюань-ван! — императрица прижала руку к груди, тяжело дыша. — Страсть к мужчинам... я, родная мать, даже не подозревала, что ты питаешь слабость к собственному полу...

Напряжение в комнате стало удушающим, но Чу Вэйцин сохранял спокойствие.

— Матушка... утишите гнев.

В этот момент раздалось объявление о прибытии императора Чэнь-у. Он вошел широким шагом, велел слугам выйти и, сев рядом, налил матери чаю.

— Матушка, не гневайтесь, берегите здоровье. Брат, ты сказал, что любишь Чу Синхуаня. Того самого, что сейчас рядом с Цзыси?

Это был утвердительный вопрос.

— Да, — ответил Чу Вэйцин.

— Вот как, — император вздохнул, словно про себя.

Когда он впервые приказал тайным стражам навести справки о Чу Синхуане, он уже знал всё. Сегодня, сидя на троне и глядя на него издалека, он всё понял. Понял, почему всегда холодный Сяо Цзыси потерял голову. Понял, почему всегда ветреный Чу Вэйцин пошел против воли матери. Всё это было лишь предопределенностью.

— Брат, ты знаешь, что у Чу Синхуаня уже есть помолвка с Сяо Цзыси?

Чу Вэйцин вздрогнул, его пальцы сжались так сильно, что ногти впились в ладони.

— Знаю.

— И... что ты намерен делать?

— Пока брак не заключен, он не имеет силы, — упрямо ответил Чу Вэйцин.

— Ты... впрочем, неважно. У всех нас, членов императорской семьи, один и тот же нрав.

Император Чэнь-у с выражением сложной гаммы чувств на лице принялся крутить нефритовое кольцо на пальце и тяжело вздохнул. Говорят, что в императорском доме нет чувств, но один за другим они все оказываются в плену страстей. Судьба это или случайность?

<http://bllate.org/book/21347/2167886>